

Козерог работает без страховки

Век Москва. — 1998. — 31 дек. — с. 11.

В свои 65 лет Семен Фарада гоняет в футбол и поет «Уно Моменто» под куполом цирка

Наталья ВАСИНА

— Семен Львович, вы родились за семь часов до встречи Нового года, какой самый неожиданный подарок вы получили в этот день?

— 31 декабря я всегда дома. Всех, кто помнит о моем дне рождения, звонит или приходит ко мне с добрыми словами и поздравлениями, я принимаю с уважением и радостью. Когда мне исполнилось 61 год, то один очень хороший человек, мой друг, принес мне билет и визу, и я впервые в жизни слетал в Соединенные Штаты на неделю. Это было здорово!.. А еще необычным подарком для меня был смокинг, который на шестидесятилетие мне подарил Александр Михайлович Чеботарев. Он привез его на свой страх и риск, без примерки, и все оказалось тютелька в тютельку. А вообще для меня всегда подарок — интересная работа в хорошей компании.

— Вашими театральными университетами стал Москонцерт, выступления на эстраде?..

— Моими театральными университетами стала эстрадная студия МГУ «Наш дом» под руководством Марка Розовского, теперь он главный режиссер и художественный руководитель театра-студии «У Никитских ворот». Я был актером и директором той студии.

— Кстати, окончив Бауманское и став инженером-механиком, вы быстро достигли должности руководителя постановкой паро-водозапорной арматуры на нефтехимические предприятия. И у Розовского уже через четыре года вы стали директором студии. В вас, очевидно, погилла жилка руководителя? Или «она» нашла себе выход в чем-нибудь другом?

— Я — Козерог, организатор. Просто я был постарше, и мне доверили руководить делами студии и быть правой рукой Розовского. А «жилка» моя... растаяла. Я ведь не занимаюсь больше ничем, кроме своей профессии, а становиться директором Театра на Таганке (смеется) мне совершенно ни к чему.

— Уже 27 лет вы работаете в Театре на Таганке. Был когда-нибудь искуе уйти от Юрия Любимова?

— Не-а. Был же такой момент, когда Любимов лишил гражданства, и к руководству театра пришел Анатолий Эфрос — режиссер совершенно иного театра, великий режиссер. Некоторые ушли в «Современник», но мы — те, кто остался, — держались и играли Любимовский репертуар. А те, кто хотел (Анатолий Васильевич ни на кого не давил), играли в постановках Эфроса, и довольно успешно. Я тоже играл в одном спектакле. А потом мне поступило два предложения от Аркадия Райкина и Марка Захарова, но я остался с Любимовым.

— Как вы решились оставить свою первую профессию, бросить твердый заработок, карьеру и уйти на сцену?

— Ой как непросто... Я ведь был довольно востребованным инженером, занимал всякие посты, продвигался по карьере, и был интерес в работе. И все это нужно было одним махом отрубить и уйти в совершенно другое дело, без образования, практически с улицы, хотя я тогда выступал с концертами на эстраде — но это все равно, что с улицы... Ведь только такие режиссеры, как Райкин или Любимов,

При одном только упоминании о Семене Фараде хочется улыбнуться. Дипломированный инженер. Актер без специального образования, но со всенародной любовью. Герой эпизода или целого фильма — в его «послужном списке» около семидесяти картин. Гений одной песни — какой, и называть не надо. Любимый гость новогодних телестудий, тем более что всегда и повод в конце года поговорить с ним особый есть — родился человек 31 декабря.

Сергей ТАМКРАТБЕК

могли себе позволить взять в театр актера без диплома театрального института. Любимов взял меня таким, какой я есть, без всяких бумажек.

— Есть роль, о которой вы мечтаете?

— Вообще в студии у Розовского я хотел сыграть героическую роль. И вот однажды я решил выйти на зрителя с программой стихов. Розовский сказал: «Ничего у тебя не выйдет, даже и не пробуй». Поспорили. И очень резко поспорили — на ящик коньяка, а тогда бутылочка стоила 4 руб. 12 коп. Ящик был куплен заранее. Я вышел на сцену — на студенческую, серьезную публику. Я был тогда никому не известен, нигде не снимался, и стал читать «Стихи о советском паспорте». На третьем четверостишии в зале началось хохот. А потом уже и настоящее рожот. Я бросил все и, поверженный, пришел за кулисы к Розовскому. Но все-таки я считаю себя трагикомическим актером. В Театре на Таганке были такие роли: в спектакле «А зори здесь тихие» — отец Сонечки и в спектакле «Обмен» — маклер.

— Каким было ваше первое столкновение с кино? Первая роль? Первое ощущение от себя?

— Ужасным!.. Это было в семидесятом году. Я снялся на «Центрнаучфильме» в короткометражной картине «Каникулы в каменном веке» — это история о том, как пятеро друзей решили отказаться от всех благ цивилизации и провести отпуск в горах. Их терпения хватило только на двое суток. Фильм этот шел в основном в кинотеатре «Баррикады» в комплексе с мультфильмами для детей. Я пришел в кинотеатр посмотреть на реакцию

зрителей, как вы понимаете, на меня самого в первую очередь. Мне казалось, что зрители меня тут же узнают, начнут глазеть, просить автографы!.. Но никто, естественно, не обратил на меня никакого внимания. Я вошел в зал, когда было уже темно, и уселся на первый ряд. Там сидели мальчишки и очень бурно реагировали на происходящее на экране, а больше всего хохотали, когда там появлялся я. Мне, естественно, было приятно наблюдать за такой реакцией. Но тут вдруг мальчишка, сидевший рядом, в очередной раз засмеявшись, обернулся ко мне — вот, мол, дает, да?! — и увидел меня. С ним случился какой-то стопор, и до конца фильма он сидел с каменным лицом. Он напридумывал себе меня, идеализировал, а оказалось, что это самый обыкновенный дядя...

— Чем сейчас занимается ваш сын? Ему ведь двадцать три года?

— Да, будет двадцать три. Он окончил актерское отделение ГИТИСа у Бородин, зачислен в труппу РАМТа (Центральный Детский театр) и очень плотно занят в репертуаре.

— Он у вас по телефону все шутит, представляется то птицей-говоруном, то личным секретарем Семена Фарады...

— (Смеется). Он часто наигрывает. Вообще он очень настойчив и имеет определенные успехи. Михаил взял фамилию мамы — Полицеймако Михаил Семенович, чтобы, не приведи господь, никто не смог упрекнуть его в том, что он как-то пользуется фамилией Фарады.

— Вы с женой, Марией Полицеймако, работаете в одном театре. Сколько лет вашему союзу?

— Двадцать пять.

— А что вы больше всего цените в женщине?

— Мать. Заботливую няню. Хранительницу очага. Моя жена родила мне сына в тридцать семь лет, это, я считаю, — подвиг. Маша — великолепная актриса, прекрасная мама, она — необыкновенно добрый человек.

— Что вас раздражает в людях? Чего вы не переносите на дух?

— Хамства и фамильярности. По отношению к себе я переношу это спокойно. Но мне, например, непонятно, когда к пожилому актеру подходит какой-нибудь новоявленный хлыщ и, похлопывая его по плечу, говорит: «Здорово, дед! Ты что — тоже участвуешь в этой халтуре?!». Мне очень нравится, как в этом смысле воспитывают детей на Кавказе, где уважение к старшим — это закон, это — святое.

— А каковы ваши родовые корни?

— Мой дед по линии отца — грузинский еврей, мать — еврейка с Украины. Я, кстати, недавно на досуге подумал-посчитал, и получается, что если от 31 декабря отнять девять месяцев, то получается, что я — первоапрельская задумка своих родителей.

— Вы когда-нибудь сами себе удивлялись?

— Однажды я очень удивился: как это я смог вынести чествование Ролана Анатольевича Быкова в цирке? Ему тогда исполнилось 65 лет. К нам с Сашей Абдуловым подошел режиссер представления и сказал: «Вы, значит, когда окажетесь на середине арены, оба поднимете одну руку вверх — Саша правую, Сеня — левую, и возьметесь за специальный трос со специальной блокировкой. Этот трос поднимет вас к куполу, и там вы будете петь вашу «Уно Моменто». Блокировка надежная, так что не волнуйтесь — упасть невозможно, можете дергаться как угодно...». Я пропустил все эти слова мимо ушей, потом спрашиваю: «Саш, что он сказал?» — «Да ерунда, Сеня, просто руку поднимешь, и все...». Когда я почувствовал у себя на запястье щелчок, а через секунду был уже под куполом цирка, думал, что упаду в обморок, точнее, просто повисну... Уж на что Саша — он все-таки моложе меня — и то растерялся: «Семен!.. Ты где?» — крикнул он мне. «Пой!..» — кричу ему в ответ, а сам, как рыба, воздух губами хватаю. Страшно. Без страховки все-таки...

— Каким вы были в детстве? Что-нибудь в вас осталось от того Сени?

— Я, между прочим, вырос в бандитском районе, где могли и ножиком пырнуть, и бритвой полоснуть по глазам... Я был примерным ребенком — учился хорошо, но прежде всего меня знали как футболиста. Футболу я буду предан всегда. Несмотря на свои шестьдесят пять и несмотря на недавно перенесенную операцию на сердце, я по-прежнему играю в футбол и еще плаваю в бассейне «Чайка».

— Самый счастливый день в вашей жизни?

— Рождение сына.

— Что бы вы пожелали читателям «Вечерки» в будущем году?

— Наша сегодняшняя жизнь переполнена стрессами, переживаниями, дурными новостями и мрачными экономическими и политическими прогнозами, поэтому я желаю стабильности и надежды. А главное, я желаю всем здоровья. Берегите себя. И еще я очень хочу, чтобы каждый занимался только своим делом, тогда все будет в порядке.